

Хвощинская Надежда Дмитриевна

Большая Медведица

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н17

Н17 **Надежда Дмитриевна Х.**
Большая Медведица / Хвоцинская Надежда Дмитриевна – М.: Книга по Требованию,
2024. – 499 с.

ISBN 978-5-521-29048-2

ISBN 978-5-521-29048-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Передъ вечеромъ, въ началѣ мая 1854, къ лучшей N-ской гостинницѣ подъѣхала телѣга, сильно забрызганная грязью весеннихъ, еще неустановившихся дорогъ, и запряженная тройкой, замѣтно усталыхъ, ямскихъ лошадей. На встрѣчу этого некрасиваго экипажа выбѣжала почти вся прислуга гостинницы, откланиваясь пріѣзжему молодому господину, въ дорогомъ тепломъ пальто, и спѣша вынуть изящную дорожную подушку и изящный дорожный мѣшокъ, потонувшіе въ сѣнѣ, которымъ была набита телѣга.

Этотъ господинъ, Андрей Васильевичъ Верховской, ужъ около двухъ недѣль прожилъ въ N-ской гостинницѣ, пріѣхавъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ и въ дилижансѣ, а теперь возвращался изъ короткой поѣздки верстъ за сорокъ, въ одно большое имѣніе. Всему N. было извѣстно, что Верховской за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы купить это имѣніе, но половодье и испорченные дороги до сихъ поръ не давали туда добраться. Онъ равнодушно переносилъ эту задержку, а въ гостинницѣ ей были очень довольны. Съ нимъ не было собственнаго камердинера и лакеи гостинницы старались угождать ему съ услужливостью крѣпостныхъ, почти негодуя, что требованія богатаго молодого барина были очень несложны.

— Дайте переодѣться и пообѣдать, сказалъ Верховской, войдя въ свою комнату, между тѣмъ какъ лакей суетился, спуская шторы, смахивая воображаемую пыль, передвигая кресла.

— У васъ были господинъ губернаторъ, и, вотъ, еще карточки. Вотъ, еще письмо съ почты. Сегодня по утру заходилъ, спрашивалъ васъ господинъ Духановъ.

— Хорошо.

Верховской ходилъ по комнатѣ, пока накрывали на столъ. Его закачало. Онъ посмотрѣлъ на письмо, хотѣлъ распечатать, отложилъ и сѣлъ обѣдать. Зналъ-ли онъ заранѣе, что письмо незанимательно, но по его лицу пробѣжало что-то похожее на нетерпѣніе. Онъ задумался, наконецъ, рѣшаясь, опять взялъ и развернулъ письмо. Оно состояло изъ двухъ тонкихъ листочковъ, исписанныхъ четкой, красивой рукой по транспарану. Верховской бѣгло читалъ и перевертывалъ, будто добираясь до дѣла, нахмурился, сложилъ все опять въ конвертъ и возвратился къ прерванному обѣду.

Ему, впрочемъ, было не суждено кончить его покойно. Лакей явился снова и доложилъ:

— Господинъ Духановъ.

Духановъ былъ молодой чиновникъ мелкаго происхожденія, не крупнаго чина, нѣсколько разъ терявшій мѣста и всегда тотчасъ-же находившій другія, — чѣмъ доказывалось, что онъ дѣлецъ и человѣкъ нужный. Онъ хорошо и замѣтно сознавалъ это, хотя держался съ приторной ласкательной скромностью, когда считалъ ее необходимой и приличной. Это, вѣроятно, многимъ нравилось, потому что Духановъ былъ почти всеобщій ходатай по дѣламъ въ Н. Въ настоящее время, ему было поручено сладить съ Верховскимъ продажу имѣнія; сами владѣльцы жили въ Петербургѣ. Духановъ рассчитывалъ на свои выгоды, и потому, въ пятидневное отсутствіе Верховскаго, безпрестанно навѣдывался о его возвращеніи и даже не поскупился заплатить въ гостинницѣ, чтобъ ему донесли «какъ-только баринъ явится». Это было исполнено.

— Имѣю честь поздравить съ пріѣздомъ, сказалъ онъ скороговоркой, на секунду пріостановясь у порога, и въ ту-же секунду, вспомнивъ о своемъ достоинствѣ, развязно вступилъ въ комнату. — Какъ съѣздили, Андрей Васильевичъ?

— Бока отломало, отвѣчалъ Верховской. — Здравствуйте.

— Мое почтеніе,.... сказалъ опять скороговоркой Духановъ, шаркнувъ еще разъ, и опять напомнилъ себѣ о свѣтскихъ манерахъ. — Что-жъ это вы такъ жалуетесь, Андрей Васильевичъ, хе-хе, будто старикъ какой, въ самомъ дѣлѣ. Конечно, не спорю, непривычно вамъ.... экипажъ не такой.... хе-хе....

— Не въ телѣгѣ дѣло, а въ дорогѣ.

— Да вѣдь весна-съ, возразилъ съ снисходительной улыбкой Духановъ.

— У всѣхъ весна, возразилъ Верховской: — но у всѣхъ гати, каіе-нибудь мостики, а къ вашему Спасскому проѣзда нѣтъ; подь самой деревней — не мостъ, однѣ сваи....

Духановъ прервалъ его смѣхомъ.

— Это мостъ, точно, плохъ, сказалъ онъ: — мнѣ *они* еще въ прошломъ году доносили. Ну, вотъ, какъ купите, новый постройте.

— Слишкомъ много придется строить, возразилъ Верховской: — тамъ все на боку.

— Какъ вы, Андрей Васильевичъ, разочаровались! сказалъ Духановъ, продолжая смѣяться, не то для того, чтобъ ободрить себя, не то насмѣшливо. — Домъ, конечно, не новый, но потому собственно это даетъ ему цѣну: барскій домъ, барская постройка; нынче ужъ такихъ и не умѣютъ.... Комфортъ весь, паркетъ, отдѣланъ какъ.... Конечно, можетъ-быть, пожелаете роскошнѣе....

— Я, вѣдь, покупаю не домъ одинъ, а деревню, прервалъ Верховской: — я пять дней пробылъ тамъ, осматривалъ.

— Хозяйство, кажется, въ порядкѣ-съ, сказала съ достоинствомъ Духановъ: — скотный дворъ, оранжереи....

— И ни одной крѣпкой избы во всей деревнѣ, снова прервалъ Верховской: — ни зерна хлѣба у мужиковъ; пахать начали — побираются другъ у друга лошадьми; въ пятидесяти дворахъ — пять копейъ какихъ-то, а не коровъ....

— Ну-съ, наберется и побольше! возразилъ, захохотавъ, Духановъ. — Нѣтъ, ужъ вы, ей-богу, очень разочаровались, Андрей Васильевичъ; я никакъ не ожидалъ....

— Я самъ никакъ не ожидалъ найти такое разореніе, отвѣчалъ серьезно Верховской: — объ этомъ вамъ слѣдовало-бы меня предупредить, какъ мнѣ кажется.

— Мнѣ господа Запольцовы поручили только продажу, отвѣчалъ Духановъ: — я вамъ представилъ опись земли, планы; какой долгъ на имѣніи, какія недоимки — вамъ тоже извѣстно. Хоть сейчасъ покупай — все въ порядкѣ сдѣлано.

— И еслибы я купилъ, не глядя, вы считали-бы, что все сдѣлано по совѣсти?

Духановъ повернулся на мѣстѣ; его маленькое лицо вспыхнуло и маленькіе глаза свергнули. Онъ въ минуту сдержалъ себя и, пристально глядя на богатаго барина, отвѣчалъ смиреннымъ голосомъ:

— Я человѣкъ зависимый, Андрей Васильевичъ. Господа

Запольцовы мои благодѣтели; я черезъ нихъ имѣю и мѣстишко. Хорошо говорить о совѣсти, когда деньги есть. У меня ихъ нѣтъ-съ.

Онъ еще разъ поднялъ на Верховского взглядъ, выразавшій, что богатство можетъ безнаказанно унижать и обижать,—взглядъ унизительно-обидный, — сжалъ губы въ улыбку презрѣнія къ невниманію, которое ему оказывали, но продолжалъ прежнимъ, сладко-смирненнымъ голосомъ:

— Госпожа Запольцова мнѣ писала, что онѣ очень дружны съ вашей супругой; такъ я полагалъ, что вы уже обо всемъ предупреждены.

— Ровно ни о чемъ, сказалъ Верховской, ходя по комнатѣ, чтобъ расправить усталыя ноги.

Духановъ тихо разсмѣялся, когда онъ отвернулся.

— Госпожа Запольцова мнѣ подробно описывала, продолжалъ Духановъ:—какъ онѣ съ вашей Лидіей Матвѣевной даже нарочно искали имѣть квартиру въ одномъ домѣ, чтобы дѣти вмѣстѣ занимались.... Для моей довѣрительницы будетъ весьма прискорбно, если вы сочтете, что послѣ такихъ дружескихъ отношеній она рѣшится на обманъ противъ васъ....

— Да и моей довѣрительницѣ не будетъ пріятно, если я ей куплю нищенскую колонію, возразилъ Верховской.

Духановъ опять усмѣхнулся ему вслѣдъ.

— Но самое милое—что вы смолчали о главномъ, продолжалъ Верховской, остановясь.—Если и это—въ интересахъ вашей довѣрительницы, то, извините, это ни ей, ни вамъ чести не дѣлаетъ... Спасскіе мужики недавно убѣгали всей деревней?

Духановъ завертѣлся на стулѣ.

— Пришли сюда въ городъ, и просились всѣ, годные и негодные, въ военную службу?

— Да вѣдь, Андрей Васильевичъ, мало-ли бездѣльниковъ... Кто-нибудь имъ натолковалъ, что военное время, всѣхъ требуется,.... служба царская, усердіе... Извѣстно, мужикъ—дуракъ; ну, сказали ему, за это земля будетъ, льготы разныя.... Имъ-ли было не житье...

— Прелестное. Я его видѣлъ, это житье. Какъ-же вы мнѣ этого не сказали?

— Я полагалъ, Андрей Васильевичъ, вы знаете, отвѣчалъ Духановъ, уже въ затрудненіи:—всѣ въ городѣ знаютъ, Спасское....

— *Спасскихъ*—три села въ одномъ уѣздѣ, только изъ тѣхъ двухъ не бѣгали; бѣгали изъ вашего. Такъ вы поступили по совѣсти, скрыли отъ меня, что крестьяне недовольны?

— Да вѣдь, они, Андрей Васильевичъ, ужъ покорились. Кого тогда, тутъ, въ полиціи,—успѣли перехватить,—а то, туда двѣ роты ходили, отвѣчалъ успокоительно-ласково Духановъ. — Теперь они, ей-богу, ничего-съ. За это дѣло и губернаторъ ужъ нахлобучку получилъ, какъ могъ допустить, и исправникъ теперь, и становой... всѣ мѣры приняты, все кончено-съ. Ей-богу, они ничего. И вамъ никакого безпокойства не можетъ быть. И если вашей супругѣ угодно когда въ поле, или въ коляскѣ, — такъ куда угодно теперь, никакого безпокойства!... Госпожа Запольцова писала, что вашей Лидіи Матвѣевнѣ собственно для здоровья нужна деревня. Такъ здѣсь онѣ все найдутъ: мѣстоположеніе, воздухъ, всякую, если позволите сказать—прихоть. Что-жъ дѣлать, нынѣшнимъ временемъ за границу нельзя — въ Крымъ тоже... А здѣсь совсѣмъ будетъ по вкусу Лидіи Матвѣевны. Отъ столицы недалеко... Лидія Матвѣевна въ Москвѣ въ настоящее время?

— Въ Москвѣ, отвѣчалъ Верховской, продолжая расхаживать и думая, почему онъ это знаетъ.

Духановъ помолчалъ, глядя ему вслѣдъ. Верховской молчалъ тоже и, казалось, не заботился о его присутствіи. Чинovníкъ кашлянулъ, чтобъ о себѣ напомнить, но это не подѣйствовало. Верховской взглянулъ въ окно, потомъ на часы.

— Такъ какъ-же-съ, Андрей Васильевичъ? рѣшился наконецъ спросить Духановъ.

— Что?

— Да на счетъ деревни. Ужъ вы разочаровались очень, ей-богу!

— Подумаю, отвѣчалъ Верховской и позвонилъ.

— Мнѣ будетъ истинно жаль, Андрей Васильевичъ, если вы пропустите такую покупку.

— Не перебьютъ, отвѣчалъ Верховской.

— Конечно, господа Запольцовы, по дружбѣ, вамъ скорѣе уступятъ, чѣмъ кому другому, и деньги отъ васъ вѣрныя, а все-таки... золотое дно!

— Да, Запольцовымъ выгоднѣе сбыть его до аукціона, прервалъ Верховской:—а до аукціона немного найдется охотниковъ на это золотое дно. Я подумаю.

Вошелъ лакей. Верховской спросилъ одѣться.

— Куда-нибудь собираетесь? спросилъ Духановъ.

— Да; извините.

Духановъ поднялъ съ пола свою шляпу.

— Такъ до пріятнаго свиданія, Андрей Васильевичъ. Когда-жъ прикажете явиться?

— Я напишу Лидіи Матвѣевнѣ; дождусь отвѣта и дамъ вамъ знать.

— Это будетъ, стало быть, рѣшительное?

— Да, рѣшительнѣе, отвѣчалъ Верховской, очень довольный, что тотъ кончилъ свои поклоны и затворилъ дверь.

Черезъ нѣсколько времени, онъ самъ шелъ черезъ бульваръ, гдѣ было много гуляющихъ, въ клубъ, гдѣ тоже собралось довольно.

Въ провинціи, въ то время, еще веселились, не уступая Петербургу, который веселился какъ никогда. Верховской, хотя оставилъ его вскорѣ послѣ святой недѣли, наслушался концертовъ, посмотрѣлся спектаклей и баловъ до усталости и былъ радъ уѣхать въ провинцію, чтобъ отдохнуть. Но повидавшись по дѣлу съ двумя-тремя лицами, пришлось знакомиться и съ другими, такъ, что въ двѣ недѣли, Верховской узналъ все, что называло себя «вышимъ N — скимъ обществомъ». Верховской убѣдился, что въ Петербургѣ бываютъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленные часы для бездѣлья, и что тамъ люди, ничего недѣлающіе, дѣлаютъ по крайней мѣрѣ видъ, будто заняты; въ провинціи не соблюдалась и эта церемонія, и, казалось, не было ни службы, ни занятія, не оставляющаго времени для долгихъ визитовъ по утру, для празднопатанія днемъ, для игры въ карты отъ сумерокъ до разсвѣта. Верховскому пришлось жить также, принимая и отдавая посѣщенія. Его особенно ласкали, какъ будущаго помѣщика N — ской губерніи, можетъ-быть, даже N — скаго жителя. Дамы нѣсколько огорчились, узнавъ, что онъ женатъ, но сообразили также, что «это будетъ пріятный домъ», потому что жена Верховского любитъ удовольствія. Это уже знали, хотя Верховской не рассказывалъ.

Верховской провелъ послѣднія десять лѣтъ въ Петербургѣ, но зналъ и Москву, и провинціи, и не находилъ большой разницы въ складѣ провинціального общества и складѣ богатыхъ петербургскихъ среднихъ кружковъ. Это было почти тоже съ небольшими измѣненіями: въ провинціяхъ было только поменьше формальности и экономіи, побольше разгула и сплетень; даже сужденія провинціи казались запоздалыми только сравнительно съ разсужденіями высшаго или литературнаго петербургскаго круга. Такъ думалъ прежде Верховской; теперь, уѣзжая въ провинцію, онъ ожидалъ найти болѣе разницы. Война продолжалась ужъ полгода; событія быстро слѣдовали одно за другимъ, затрудненія усложнялись, затрогивались существенные, родные

интересы. Столицы каждый день читали газеты, получали опредѣленные извѣстія, были на-слуху распоряженій и намѣреній, болѣе или менѣе знали чему вѣрить, чего ждать, чего опасаться. Но столичные толки, хотя и жаркіе съ вида, были сдержанны, осторожны: недовѣріе и опасенія прятались; настроеніе было истинно-искусственное, неискреннее. Столица не страна; это какое-то нарядное, праздничное мѣсто, съ своими уставами и условіями. Правда, туда собираются люди со всѣхъ концовъ страны, но столица имѣетъ свойство скоро передѣлывать людей на свой ладъ, не выслушиваетъ ихъ, а заставляетъ себя слушать, не узнаетъ отъ нихъ обычаи, силы и нужды страны, а внушаетъ забывать все это, предлагая обо всемъ свои понятія — не широкія, не вѣрныя, успокоительныя, какъ все, что составляется на-скоро и съ предвзятымъ намѣреніемъ приказывать и не беспокоиться... Только въ настоящее время, когда обнаруживается жизненная дѣятельность провинцій, жители столицъ, — и то еще далеко не всѣ, — начинаютъ терять вѣру въ столичное знаніе вещей и непогрѣшимость столичнаго мнѣнія. Но прежде, тогда, было не то: 1854-й былъ послѣднимъ и самымъ тяжкимъ годомъ молчанія одной стороны, невниманія другой и разъединенія обѣихъ...

Верховской принадлежалъ къ немногимъ жителямъ столицы, не увлекавшимся ея предположеніями, строже обсуждавшимъ ея приговоры и уставшимъ отъ ея веселій. Уѣзжая въ провинцію, онъ надѣялся отдохнуть, — что не удалось ему, — но удовольствился, что веселье провинціи — не навязанное, не поддѣльное, а искреннее... Убѣдись въ этой искренности, онъ сталъ искать ее и въ другомъ, счелъ обязанностью присмотрѣться ближе. Въ Петербургѣ онъ слышалъ довольно фразъ; въ провинціи должна быть правда. Здѣсь, на болѣе родной и твердой точкѣ опоры, общественное мнѣніе и общественная сила должны были являться свободнѣе, съ болѣе яснымъ сознаніемъ; увлеченіе здѣсь не могло быть подготовлено, вынуждено модой, вызвано расчетомъ и желаніемъ выставиться на видъ. Здѣсь всякій ближе и опредѣленнѣе зналъ свои средства: по увлеченію, можно было судить о возможномъ размѣрѣ самоотверженія... Верховской сталъ внимательно слушать толки. Сначала его поразила, въ большинствѣ, недостаточность политическаго знанія, но онъ видѣлъ единственные источники этого знанія — «Инвалидъ» и «Сѣверную Пчелу» на столѣ клуба, а на столѣ губернаторши, m-me Волкаревой, листы выкроекъ, которые назывались иностранными газетами. Ясно, что многого и требовать было нельзя. Верховской воздержался отъ взыскательности, постарался не находить смѣшнымъ, что m-me Волкарева разбрасывала свою «Indépen-

dance» какъ можно живописнѣе и примѣтнѣе; что клубные читатели вѣрили только въ свои двѣ газеты и презирали иностранныя; что патріотизмъ выражался иногда выпренно-сентиментально, иногда съ грубымъ самохвальствомъ: чувство могло быть сильно, но могло не умѣть выражаться. Верховской боялся судить неосмотрительно. Онъ удерживался даже отъ улыбки на ни съ чѣмъ несообразныя, блестящія предположенія, опровергали ихъ осторожно, чтобъ не испугать увлеченія, которое могло быть... Но онъ недолго оставался въ этомъ пріятномъ заблужденіи. Въ нѣсколько дней онъ убѣдился, что ничего не было, ни сознанія силъ, ни народной гордости, ни пыла, ни глубокаго чувства, убѣдился тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ всякій прекращалъ какой-бы ни было разговоръ о современныхъ дѣлахъ и обращался къ самому себѣ, къ своимъ интересамъ, къ вчерашней сплетнѣ, къ завтрашней попойкѣ. Едва раскрывались игорные столы, общество бросалось за нихъ, замѣтно облегченное и обрадованное. «Гдѣ-то» дѣлалось «что-то»; потолковали — и довольно. Это не у нихъ дѣлалось, не ихъ касалось... Это было не мужество, обсудившее свой долгъ и положеніе, и, въ ожиданіи своей очереди дѣйствовать, въ свободный часъ, обращающееся къ житейскимъ мелочамъ. Это была не отвага, готовая, шутя, всѣмъ жертвовать и, шутя, умереть; не горе, которое, утмывая само собою, ищетъ въ чемъ-нибудь забыться. Это было холодное, тупое, сонное равнодушіе. Отъ него-то и была такъ искренно весела провинція...

Верховскому стало тяжело, когда онъ въ этомъ убѣдился. Искусственная жизнь Петербурга одолѣвала; *эта* была не лучше: равная пустота содержанія, только на другой ладъ. Петербургъ фразировалъ и устроивалъ аллегри; провинція махнула рукой и сѣла за карты. Равнодушіе подрумяненное и равнодушіе откровенное. Верховской рѣшился разбирать то, которое было передъ глазами.

Разборъ выходилъ неутѣшительный...

Общество не оглядывалось на себя, не размышляло. По временамъ оно чувствовало, что стѣснено, но въ чемъ — не могло сказать и не задавало себѣ этого вопроса. Оно существовало; оно было формально устроено, формально ограждено. Тому, кто умѣлъ, не запрещалось богатѣть, какъ умѣлъ; на способы смотрѣли снисходительно, если они были обставлены нужною формальностью; о нихъ и не спрашивали, если богатство веселило кружокъ, въ которомъ процвѣтало. Выработывалась легкая совесть; никому не запрещалась удача. Передъ удачей благоговѣли, можетъ быть, отъ внутренней неопредѣленной печали

стѣсненія, заставлявшей высоко цѣнить удачу, тамъ, гдѣ были напрасны трудъ и достоинство; можетъ быть, отъ порчи, вѣдавшей въ это довольное рабство. Последнее едва-ли не вѣрило: въ обществѣ не было негодованія. Общество доводило свое всепрощеніе и неосужденіе до крайности, возможной только въ конечномъ стѣсненіи: преступники только въ тюрьмѣ сочувствуютъ другъ другу... Своекорыстное, отъ отсутствія всякаго общаго интереса, общество мельчало мыслью, сжималось по кружкамъ, дробилось на единицы, и каждая изъ этихъ единицъ привыкала дорожить только собою. Не задумываясь, даже ужъ не о постыдности, а, просто, о забавной сторонѣ своихъ поступковъ, — эти люди изъ-за личностей ссорились, изъ-за личностей дружились; гражданскій долгъ былъ для нихъ пѣчто отвлеченное, чему они не видѣли примѣненія, слѣдуя по обычной колесѣ, не смѣя размышлять, куда ведетъ она, можетъ быть, чувствуя ея неудобство, боясь потерпѣть, если отъ нея отступать, — но чаще всего, довольные этой колесей, довольные болѣе всего тѣмъ, что никто не спрашиваетъ ихъ, какъ провести новую... Самое слово «гражданскій долгъ» — считалось фразой. Выработывался даже языкъ чинный, приличный, гладкій, исключаяющій всякое прямое названіе вещей по имени. Но языка сильнѣе не было и не нужно: говорить было нечего. Для такъ-называемыхъ «высокихъ предметовъ» были высокіе казенные образцы слога, и тѣ попадались только въ послѣднее время, и то — для немногихъ строкъ въ вѣдомостяхъ. Живой рѣчи не было мѣста въ обществѣ, гдѣ существовали только свѣтскія, денежныя, пустыя отношенія, въ обществѣ не имѣвшемъ ни общей мысли, ни общей заботы, отученномъ отъ предпримчивости, не державшемъ и облѣнившемся по убѣжденію. Укрѣплялось и укрѣпилось одно убѣжденіе: что все хорошо какъ есть, потому что такъ — покойно... Общество облежалось на узкой и короткой постелѣ, гдѣ засыпало, и осмѣивало, осуждало тѣхъ немногихъ, которые смѣли увѣрять, что мириться съ подобнымъ положеніемъ и невыгодно и нечестно. Но такіе голоса раздавались рѣдко и осторожно; такихъ людей презирали, когда не боялись; отъ нихъ сторонились. Въ свою очередь мельчали и эти люди, тратя на звонкія слова и провинціальныя придирки душевную силу, при другихъ условіяхъ годную для многого хорошаго; въ свою очередь и они дѣлались виноватыми, когда, уставъ отъ своего одинокаго протеста, не видя отъ него пользы ни себѣ, ни другимъ — вдругъ круто сворачивали въ общую колею, ко всѣмъ прелестямъ лѣни, барства, крѣпостного права, безмыслія, всего въ чемъ погрязали всѣ, — и эти *все* встрѣчали ихъ сначала съ насмѣшкой, какъ ново-

обращенныхъ, потомъ съ привѣтомъ, какъ *своихъ*. Эти новообращенные только хуже подрывали кредитъ правды, здраваго смысла и достоинства: на нихъ указывали какъ на примѣръ того, что съ ихъ прежними понятіями жить нельзя и не должно, какъ на доказательство и подтвержденіе благоустройства общества въ его настоящемъ видѣ...

Въ несчастномъ 1854 году, это несчастное общество дошло до послѣднихъ границъ ослѣпленія: оно начало хвастаться. Правда, за него сначала прихвастнули столицы, прихвастнули люди, никогда его не знавшіе, — кто изъ разчета, кто по собственному искреннему чувству, считая его только за отголосокъ общаго; а кто — предполагая, что громкія слова возбуждаютъ чувство, «такъ сказать, одушевить». Громкія слова вызвали не одушевленіе, но смѣшное, ужасающее самооплѣніе, самодовольство, и заставили хуже застынуть эту неподвижность: она вообразила себя гранитомъ. Нечего измѣняться, когда все такъ прекрасно, такъ разумно, такъ справедливо. Нечего беспокоиться, когда все такъ сильно, такъ прочно, такъ ограждено. Говорятъ, надо *постоять*... что-жъ, пожалуй!... Хотя для общества, отвыкшаго отъ серьезныхъ словъ, это слово было какъ будто непонятно, хотя, казалось, имъ требовалось чего-то не вошедшаго въ разрядъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей, чего-то ускользнувшаго изъ жизни, чего-то необычайнаго, — но общество тотчасъ догадалось, что трудность исполненія лежитъ не на немъ, а на темномъ народѣ, съ которымъ оно день ото дня все больше разрывало связь. Догадавшись, общество получило еще основаніе не беспокоиться: крѣпостной, обязанный все дѣлать, сдѣлаетъ и *это*, — *постоитъ*. Оно поняло, что будутъ нужны деньги, но въ началѣ 1854 г., ихъ надобилось еще не такъ много, въ оборотѣ ихъ было довольно, а давая громкія оффиціальныя обѣщанія, общество знало, что расплатится не оно, а все тѣ-же, которые должны постоять, и если, впоследствии, изъ этого произойдутъ какія-нибудь денежныя затрудненія, то ихъ будетъ легко наверстать, все изъ того-же неистощимаго источника, — тѣмъ болѣе, что и бѣда-то вовсе не велика и «Сѣверная Пчела» положительно говоритъ, что ее можно закидать шапками...

Городъ N. представлялъ образъ полнѣйшаго довольства и спокойствія; въ обществѣ ни у кого не было траура; война не коснулась никого и со стороны семейной заботы; веселиться ничто не мѣшало. Верховской не удивился, найдя много народа въ